

Но несмотря на рекордное количество наград Соркина — 26 «Эмми» и 2 «Золотых глобуса» — «Западное крыло» в рейтинге великих сериалов уступает другой истории — «Прослушке» Дэвида Саймона. Сериалу, который за пять сезонов существования был номинирован на «Эмми» лишь дважды, страдал от плохих рейтингов и тем не менее считается величайшим сериалом в истории современного телевидения.

На бумаге «Прослушка» звучит максимально просто, если не сказать примитивно. Группа полицейских пытается собрать достаточно доказательств, чтобы засадить за решетку бандитскую группировку, торгующую наркотиками. Для этого они организуют за членами этой группировки слежку, чтобы с помощью прослушивающих устройств и видеокамер набрать материала на полноценное уголовное дело.

Здесь нет фактически ни одного элемента «суперуспешного» сериала. В проекте нет звезд (точнее, не было на момент премьеры), здесь не летают драконы, мало обнаженки, практически нет погонь, красиво поставленных драк или взрывов.

Более того, он и не считался успешным сериалом, пока шел на экранах. «Прослушка» стартовала на телеканале НВО летом 2002 года и просуществовала шесть лет. Рейтинги проекта не были очень высокими, заметно уступая цифрам «Клана Сопрано» от того же НВО, и создателям приходилось биться за каждый следующий сезон. Настоящим хитом сериал стал только после окончания, радикально повлияв не только на развитие самого НВО, но и на весь привычный телевизионный ландшафт.

Телевизионные сериалы на протяжении десятилетий были территорией бескомпромиссно развлекательной. После тяжелого рабочего дня зритель должен был отдыхать перед экраном, глядя вполглаза и слушая вполуха. Поэтому сериалы были в массе своей либо комедийно-мелодраматической ванилкой, либо ванилкой детективной, которая щекотала нервы. Задачи «говорить со зрителем на равных о сложных вещах» у телесериалов традиционно не было. Этим занимался взрослый кинематограф, будь то артовый (когда о серьезных вещах говорили серьезно) либо массовый (когда какой-нибудь качественный режиссер типа Стивена Спилберга представлял зрителю важную гуманистическую проблему, но в очень удобной яркой упаковке).

«Прослушка» стала первым сериалом, который эту традицию сознательно нарушил. Во-первых, он говорил о крайне серьезных вещах — наркотиках, коррупции, нищете. Во-вторых, он по структуре напоминал скорее сложный роман со множеством сюжетных линий и персонажей, за диалогами которых надо было внимательно следить. В-третьих, в нем ничего не было понарошку. Знаете, как бывает обычно на телевидении, что все герои, в том числе полицейские, красиво одеты, у них дорогие дома и машины, а женщины выглядят так, как будто их набрали с кастинга Victoria's Secret. Авторы «Прослушки» Дэвид Саймон и Эд Бернс сознательно отказались от всего этого в пользу предельного реализма.

Дэвид Саймон, один из лучших ныне живущих телевизионных сценаристов — бывший журналист криминальной хроники, Эд Бернс — бывший следователь убойного отдела в Балтиморе. Вместе они писали не про выдуманный мир, а про мир, окружавший их в действительности, но который они заселили вымышленными персонажами. Про страшную изнанку красивого города Балтимор.

Чтобы зритель лучше это прочувствовал, Саймон многих героев сделал черными (очень смелый шаг для телевидения того времени) и сознательно не стал звать в проект звезд. Более того, ряд персонажей сыграли вообще непрофессиональные актеры. Например, девушка по имени Фелиция Пирсон, которая в «Прослушке» исполнила роль жестокой убийцы. С 14 лет Пирсон торговала на улицах Балтимора ге-

роином, потом сидела в тюрьме за преднамеренное убийство, а после ее взяли в один из главных сериалов истории. Играть фактически саму себя.

Авторы выдающихся сериалов не просто придумывают истории — они создают миры. Так в «Западном крыле» Аарон Соркин создал свой мир с идеальным американским президентом, а Бениофф и Вайс с помощью Джорджа Р. Р. Мартина создали настоящую фэнтези-вселенную в «Игре престолов». В «Прослушке», напротив, нет выдуманного мира. Полицейские и наркоторговцы живут со зрителями на соседних улицах, иногда едят в одних и тех же забегаловках, их волнуют более или менее одинаковые проблемы. Они (или мы все) часть одного мира. И это важно.

Этот мир, конечно же, далек от совершенства. «Прослушка» начинается как история идеалистичных полицейских, которые хотят победить наркомафию. Но чем дальше рассказывает историю Дэвид Саймон, тем больше мы понимаем, что победить ее нельзя — она часть системы. Каждый сезон основное место действия меняется: мы начинаем в гетто, затем переносимся в порт города Балтимор, в мэрию, в школу, в местную газету. Саймон в деталях рисует нам портрет системы, прогнившей сверху донизу. Здесь нет положительных героев, но нет и настоящих злодеев. Здесь все одинаково грязненькие, и наркомафию нельзя победить не потому, что невозможно пересажать всех наркоторговцев, а потому, что на место любого посаженного придет другой, еще

более страшный и жестокий. И это будет такой же человек — выросший в нищете, учившийся в плохой школе, привыкший к постоянному лицемерию всех вокруг, дитя той самой системы.

«Прослушка» — это история о безысходности и бессмысленности борьбы. Ты не можешь быть хорошим, если ты не часть системы, а если ты станешь ее частью, ты непременно запачкаешься. Но при этом честный человек, считает Саймон, должен продолжать бороться, даже осознавая всю бессмысленность борьбы. В этом главный посыл сериала и в этом же вся философия Саймона, которую он воспроизводит во всех своих проектах, будь то мини-фильм «Поколение убийц» или новый сериал НВО «Двойка».

При этом всем «Прослушка» — очень захватывающий сериал. Точнее, даже так: засасывающий. Вроде бы происходит очень мало чего, в основном все о чем-то постоянно говорят, но оторваться невозможно. Особенно если смотреть без перевода и наслаждаться диалогами, наполненными сленгом черных кварталов Балтимора и похожими одновременно на рэп и поэзию Маяковского. Самая же знаменитая сцена сериала — это беседа двух главных героев, которая длится шесть минут и целиком состоит только из слова «fuck» и его производных. Зрелище поистине гипнотическое.

Кроме того, мир «Прослушки» населен обаятельными героями, начиная с раздолбая детектива Макналти (Доминик Уэст) и заканчивая одним из боссов наркомафии Стрингером Беллом (Идрис Эльба). Ге-

рой Эльбы — как в целях саморазвития, так и для увеличения эффективности возглавляемой им организации — параллельно с наркоторговлей учится на экономиста. Или, например, Омар Литтл (Майкл К. Уильямс) — бандит-налетчик, грабящий исключительно других бандитов. Омар — один из самых знаменитых и интересных персонажей сериала. С одной стороны, он жестокий и страшный убийца, с другой — нежный и сентиментальный гей, абсолютно не похожий ни на одного ЛГБТ-героя прежних лет с очень трогательной и трагической историей любви.

И таких интересных, сложных и неожиданных персонажей в сериале штук тридцать, и за каждого из них зритель переживает, потому что каждый из них через пару серий становится как родной. Неслучайно именно с «Прослушки» начались карьеры многих телевизионных и кинозвезд. В первую очередь, конечно, Идриса Эльбы, у которого здесь была первая по-настоящему заметная роль.

И все-таки, возвращаясь к тому, с чего мы начали обсуждение «Прослушки». Если это такой крутой сериал, то почему же профессиональное сообщество ни разу не отметило его какой-нибудь почетной наградой? Наверное, потому, что Дэвид Саймон слишком близко поднес зеркало аудитории. Не просто показал ужасы нищеты и преступности, а наделил людей, живущих в этой среде, обаянием, создал им драматические биографии, заставил им сопереживать. А еще подчеркнул, что все это происходит на самом деле, буквально на соседних улицах. И по-

этому «Прослушку» можно назвать именно произведением искусства, и ближайшим референсом к нему будет не какой-нибудь еще полицейский сериал, а например, «Левиафан» Андрея Звягинцева или любое другое бескомпромиссное и во многом дискомфортное высказывание о настоящей, а не придуманной жизни.

Как когда-то невероятный зрительский успех «Бонни и Клайда» убедил Голливуд в том, что кино без хэппи-энда возможно и совершенно не обязательно должно быть неприбыльным, так и успех «Прослушки» проделал тот же фокус с телевидением — доказал максимально наглядно, что зрители готовы смотреть истории, в которых на первый план выходят сложные и неоднозначные с точки зрения морали герои, а не примитивный развлекательный сюжет.

Успех «Клана Сопрано» доказал, что телеканалы способны производить сериалы, не уступающие в качестве большому кино. Но, как пишет Сепинволл в книге «Телевизионная революция», чтобы процесс пошел и случился тот самый «большой телевизионный взрыв», успех необходимо было повторить на другом канале. Рынку нужно было доказательство, что выдающиеся сериалы может производить не только НВО. И таким доказательством стал сериал «Щит» телеканала FX.

Есть такая знаменитая книга Блейка Снайдера по сценарному мастерству, которая называется «Спасите котика». Почему котика? Снайдер объясняет, что в жанровом кино зрителям необходимо максимально быстро проникнуться симпатией и сочувствием к главному герою, а для этого в первом

акте он должен максимально быстро сделать что-то очень и очень доброе и положительное: например спасти застрявшего на дереве котика. В сериале «Щит» в финале первой серии главный герой — крутой полицейский Вик Макки — убивает другого полицейского. Убивает хладнокровно, выстрелом в лицо. Какие уж тут котики. И несмотря на это Вик Макки — идеальный герой сериала, которому сочувствуешь, которого ненавидишь и которым восхищаешься одновременно.

«Щит», вероятно, второй лучший полицейский сериал в истории после «Прослушки». Он также происходит в настоящем, максимально не глянце-вом и не прилизанном мире страшного городского дна, только не Балтимора, а Лос-Анджелеса. Это мир банд, наркоторговцев, коррумпированных политиков и полицейских, убийц, наркоманов, педофилов и воров. Но большую часть дел, которые расследуют герои «Щита», составляет обычная чудовищная бытовуха: отец, который за дозу продает дочь педофилам, женоненавистник, который расстреливает убежище для жертв домашнего насилия, корейский старичок, которому во время ограбления прибивают ноги к полу, чтобы он не мешался, и другие повседневные ужасы огромного мегаполиса.

В «Щите» также нет ни одного положительно-го или отрицательного персонажа, а есть сложные и иногда противоречивые люди, которые пытаются делать одно из самых непростых дел в мире — охранять закон и порядок. Охранять самыми разными

методами, в том числе и не самыми законными. Для создания пущей аутентичности «Щит» снят подчеркнуто «реалистично», как будто это не традиционный сериал, а такое мегареалити-шоу, где за живыми героями ходят операторы с ручными камерами.

«Щит» относится к зрителям, как к равным — тут нет традиционной последовательной экспозиции, долгих рассказов, объяснений и представлений героев: с первой серии мы оказываемся в самой гуще событий и на то, чтобы запомнить героев, понять, кто чем занимается и как эти люди вообще оказались вместе в одном участке, у зрителя уйдет как минимум несколько эпизодов.

Герои «Щита» — самые разные полицейские: пара патрульных — Дэни и Джулиен, два детектива убойного отдела — Клодетт и Датч, начальник отделения капитан Асеведа и руководитель спецподразделения — Вик Макки. Вместе с тремя другими полицейскими Макки ловит самых опасных преступников: «Мы стучимся в те двери, о которых другие полицейские предпочитают не знать».

У каждого героя своя работа и свой стиль, благодаря каждому из них мы видим отдельный кусок Лос-Анджелеса, от улиц и трущоб до роскошных особняков руководителей наркокартелей. Но главный герой и самый интересный персонаж сериала — это, безусловно, Макки в исполнении Майкла Чиклиса. Такой лос-анджелесский Глеб Жеглов.

Брутальный, прямой, мощный как танк, крутой полицейский с очень сложным моральным кодексом

сом. Макки, с одной стороны, за закон и порядок, он искренне ненавидит преступников и отлично их ловит, с другой — иногда он готов и на компромисс, и на взятку, и даже на убийство. С третьей — он не только полицейский, он сложный человек, трогательный отец своим трем детям и любящий муж своей жене. Что, правда, не мешает ему иногда спать с другими женщинами. Макки — воплощение понятия «сложный персонаж». В первой серии он говорит одному из подозреваемых: «Хороший и плохой коп уже ушли домой, теперь остался только я. А я — другой тип копа».

Если «Прослушка» была неторопливой и обстоятельной, медитативно погружающей зрителя в ад, то «Щит» в этом смысле на нее максимально не похож: это быстрое, напряженное и очень жестокое шоу. Здесь все время что-то происходит, будь то погони и перестрелки или сложные игры следователей с подозреваемыми на допросах. В этом смысле «Щит», конечно, значительно более жанровый и зрительский. Хотя, в отличие от многих других полицейских шоу, это совсем не чистое развлечение, а скорее острое высказывание на социальные темы.

Есть сериалы, которые интересны не только сами по себе, они интересны как вехи в развитии телевидения. Именно таким сериалом является медицинский сериал «Скорая помощь» Майкла Крайтона — этот на первый взгляд обычный «производственный роман» радикально изменил представление зрителей о том, какими могут быть экранные врачи, и еще сильнее сблизил мир телевидения и большого кино.

В 1974 году молодой писатель Майкл Крайтон (автор «Парка Юрского периода» и «Мира Дикого Запада») написал сценарий о жизни и работе врачей скорой помощи. Сценарий понравился Стивену Спилбергу, который захотел сделать из него фильм. Но, к сожалению, сделать этого не получилось, и текст Крайтона 20 лет пылился на полке,

пока в 1994 году, благодаря все тому же Спилбергу и продюсеру из его компании Amblin Джиму Уэлсу сценарий Крайтона не стал пилотом нового телевизионного сериала «Скорая помощь».

«Скорая помощь» — история жизни и работы семи героев (пяти врачей, студента-медика и медсестры): доктора Марка Грина (Энтони Эдвардс), доктора Дага Росса (Джордж Клуни), доктора Сьюзан Льюис (Шерри Стрингфилд), студента Джона Картера (Ноа Уайл), доктора Питера Бентона (Эрик Ла Салль), медсестры Кэрол Хэтуэй (Джулианна Маргулис) и доктора Кэри Уивер (Лора Иннес), которые работают в отделении скорой помощи большой больницы в Чикаго.

«Скорая помощь» шла в эфире телеканала NBC15 лет, за это время сериал был номинирован на премию «Эмми» 124 раза (абсолютный рекорд) и 22 раза «Эмми» выиграл. Сценарий пилота, который Крайтон написал фактически о себе — будучи студентом-медиком, он проходил практику в скорой помощи — за 20 лет подвергся лишь самым незначительным изменениям. В сценарии поменяли две вещи: в 1974 году пять главных героев белых мужчин никого не смущали, но в 1994 году продюсеры сделали одного из них чернокожим, а еще одного заменили на женщину. Кроме того — это была правка Спилберга — героиня Джулианны Маргулис не умерла в первой серии, ее попытка самоубийства была неудачной. В остальном сценарий Крайтона был экранизирован без изменений.

Руководители NBC, посмотрев пилотный эпизод, были, как пишут очевидцы, в ярости: сериал слишком быстрый, слишком насыщенный, в нем вообще нет экспозиционных диалогов, и он перенасыщен сложными медицинскими терминами. Собственно, если бы не упорство шоураннеров, «Скорая помощь» никогда не попала бы в эфир. Но премьера все-таки состоялась, и все те обстоятельства, которые смущали телевизионных начальников, и стали залогом колоссальной популярности сериала.

Сериал «Скорая помощь» не был первым в истории медицинским сериалом, но он произвел в этом замшелом жанре настоящую революцию — это был честный производственный роман, где основой драматургии стал именно рассказ о работе скорой, а не романтические отношения врачей или эксцентричный характер героя. От всех других сериалов «Скорую помощь» отличали принципиально новые подходы к телевизионной режиссуре и операторской работе: каждая серия была наполнена максимально динамичным экшном, который от сезона к сезону становился все сложнее и (с ростом бюджета) все дороже. Именно на «Скорой помощи» набили руку многие знаменитые современные телережиссеры, например соавтор «Западного крыла» Томас Шламм.

Но при этом, конечно, «Скорая помощь» была очень человеческой историей, рассказывающей о сложной жизни — романтической и профессиональной — совершенно разных главных героев. Мегаамбициозного и противного хирурга доктора

Бентона, обаятельного педиатра Дага Росса, вовлеченного в сложный и бурный роман с медсестрой Хэтуэй, плюшевого милого доктора Грина и сурового администратора доктора Уивер. Каждая серия — это наполненный действием остросюжетный рассказ об очередном чрезвычайном происшествии — а за 15 сезонов зрители увидят все, от жертв ДТП до жертв стихийных бедствий и страшных преступлений с легким добавлением человеческой истории из жизни врачей скорой.

Ну и, конечно, одна из причин, по которой мы все помним сериал — именно благодаря роли в «Скорой помощи» началась большая карьера Джорджа Клуни. Собственно, первые пять сезонов, в которых он играет, — это лучшие сезоны сериала (дальше все уже пошло под гору и в принципе смотреть не обязательно).

«Скорая помощь» стала культовой, что называется, еще при жизни. 24-ю серию первого сезона снял свежий лауреат «Оскара» (правда, за сценарий) Квентин Тарантино. Понятное дело, что это был самый кровавый эпизод сериала, в частности, одним из пациентов был маленький мальчик, которого проткнуло стальной трубой. К четвертому сезону продюсеры почувствовали себя настолько свободно и уверенно, что рискнули сделать вещь в телевидении крайне редкую: сыграть эпизод в прямом эфире.

В первой серии четвертого сезона — «Засада» — в скорую приходит команда документалистов, ко-

торые хотят снять один день из жизни врачей. Весь эпизод шел в прямом эфире, то есть никаких дублей, никаких монтажных склеек — все сразу начисто. Из-за разницы во времени серию снимали дважды: для зрителей Западного побережья и для зрителей Восточного.

Удивительным образом «Скорая помощь» даже в 2019 году смотрится свежо и круто, так что если вы вдруг этот сериал в 90-е пропустили, то самое время посмотреть.